

Т. И. Панина

**ПРЕСКРИПЦИИ О СНАХ И СНОВИДЕНИЯХ
В УДМУРТСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ**

В статье рассматриваются запреты и предписания, регулирующие поведение человека перед сном, во сне и после пробуждения. Эти нормативы обусловлены восприятием сна как лиминального состояния спящего человека, как удивительного сочетания пространства и времени, в котором стираются границы между этим миром и потусторонним. Соблюдение предписаний гарантирует безопасность: ограждает спящего от опасности, которая может подстергать его как во время сна, так и после, если сон предвещает о предстоящих негативных изменениях в жизни. Основными апотропейными мерами до и после сна являются воззвание к богу, отсылка сна по воде, отгон с помощью плевка и экскрементов, укрытие/размещение спящего в безопасном пространстве, создание преграды, умиловивление умерших. Ряд запретов и предписаний направлен на предупреждение коммуникации между живыми и мертвыми во время сна, регулирование коммуникативного поведения при встрече с умершими во сне, в то время как другие, напротив, моделируют встречу и общение с покойным во сне. Выявлено, что некоторые предписания, связанные со сном, исчезли – в настоящее время информацию об их бытовании можно найти лишь в архивных и опубликованных материалах, в то время как часть предписаний продолжает активно бытовать, подвергаясь определенным трансформациям, вызванным, в первую очередь, влиянием христианских воззрений.

Ключевые слова: удмурты, традиционная культура, нормативы, запреты, предписания, предписания, предписания, сон, сновидение, умершие.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-642-650

В удмуртской культуре отражается характерное для многих традиционных сообществ особое отношение к состоянию сна и сновидениям. Сон воспринимается как пограничное состояние человека, находящегося между жизнью и смертью; как удивительное сочетание пространства и времени, в котором стираются границы между этим миром и потусторонним; бытуют воззрения, что во сне человек может получить новые знания и способности, контактировать с умершими и представителями инобытия.

Восприятие сновидения и состояния сна как опасного периода требует соблюдения определенных мер, призванных защитить спящего. Настоящая статья посвящена нормативам, связанным со сном и сновидениями, в удмуртской традиционной культуре: анализируются предписания, регулирующие поведение человека перед сном, во сне и после пробуждения. Запреты и предписания, сопряженные со сновидениями, до сегодняшнего дня не становились объектом отдельного внимания исследователей удмуртской традиционной культуры, но фрагментарные упоминания о них содержатся и в этнографических источниках кон. XIX – нач. XX в., и в трудах современных фольклористов и этнографов. Наибольшую освещенность данная тема получила в диссертации Н. В. Анисимова: сновидения проанализированы им в связи с проблемой комму-

никации с потусторонним миром [Анисимов 2017]. Источниковой базой настоящего исследования послужили полевые материалы автора, отражающие современное состояние традиции, архивные данные фольклорного фонда Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета, а также опубликованные исследования по удмуртской народной культуре.

В традиционных культурах прескрипции обусловлены бытующими религиозно-мифологическими представлениями и являются дополнительным источником изучения последних. По сведениям исследователей кон. XIX – нач. XX в., удмурты считали, что во время сна душа *урт* может покинуть тело человека в виде бабочки (*уртбубыли*), летучей мыши (*урткыч*), птицы, пчелы или шмеля. Записан ряд сюжетов, повествующих о том, как бодрствующие наблюдали за *урт* уснувшего их товарища – по пробуждении он рассказывал о местах, которые видел во сне, соответствующих маршруту передвижения *урт* [Гаврилов 1880, 124–125; Первухин 1889, 47; Смирнов 1890, 177; Емельянов 1927, 4; Верещагин 2000, 130–131; Верещагин 2001, 38; Садилов, Хафиз 2010, 65]. В соответствии с этими воззрениями запрещалось резко будить спящего, в противном случае человек мог заболеть, т. к. он просыпался прежде, чем его душа *урт* возвращалась на место [Садилов, Хафиз 2010, 65]. В настоящее время подобные представления уже не встречаются, но бытует, к примеру, запрет будить человека, говорящего во сне – считается, что в этом случае он может лишиться разума [Анисимов 2017, 75].

В кон. XIX в. также бытовали верования, что сновидения могли наводить на людей высшие силы – бог *Инмар* (один из триады верховных божеств, Творец-демиург) и *Утись* (Ангел-хранитель), *кулэмъёс* (покойники), или *Шайтан* (чёрт / дьявол) [Верещагин 2001, 38]. По сведениям финского этнографа Уно Хольмберга (1882–1949), в д. Каймашабаш Ново-Кыргинской волости Бирского уезда (в настоящее время Янаульского р-на Республики Башкортостан) перед сном расстегивали ворот рубашки и плевали на грудь, чтобы отогнать злого духа *шайтан* [Садилов, Хафиз 2010, 51]. Защиты во сне просили и во время семейных обрядов: в вышеуказанной же деревне во время свадебной церемонии в доме невесты *төрö* (главный распорядитель свадьбы), наряду с традиционным обращением к высшим силам *Инмару* и *Кылчину* с просьбой дать невесте счастья в новом доме, благополучия, детей, просил, чтобы домовый не мешал во сне и не насылал болезней [Садилов, Хафиз 2010, 74].

Перед сном и по пробуждении было принято обратиться к высшим силам с молитвой-прошением *куриськон*, в которой выражали благодарность высшим силам и обращались с просьбой оградить от опасности и ниспослать благоденствия на день грядущий / даровать спокойный сон. К сожалению, текстов молитв *куриськон*, которые читали вечером перед отходом ко сну и утром после сна, зафиксировано крайне мало. Благодаря венгерскому академику Бернату Мункачи в годы Первой мировой войны были записаны тексты таких молитвенных заклинаний от одного из удмуртских военнопленных – Ефрема Худякова из с. Кыйлуд Кыйлудской волости Сарапульского уезда (ныне Увинского р-на Удмуртской Республики (далее УР): «*Остэ! Зеч Инмаре, Кылчинэ, остэ! Чукна султэм поннам тöныд остэ карко. Зеч нуналдэ сёт, та нуналыд понна зеч капчылыкъёстэ, сион-юондэ сёт! Урод синлэсь, тушмон көтлэсь ачид уть, та куриськемме кабыл кар: Инмаре, Кылчинэ, остэ!*» (Господи! Милостивый Инмар, Кылчин, благослови! Благодарю тебя, что я проснулся. Ниспошли мне хороший день, удачи, пропитания! От дурного глаза, врага огради, благосклонно прими мою молитву: Инмар, Кылчин, Господи!); «*Остэ, Бадзын Кылчин-Инмаре, зеч уйдэ сёт изьны! Эн кушты монэ; уйын ветлысь сивысь-юысьлэсь, кыльлэсь-кальлэсь ачид утялты, уть-ворды! Чукна султытозам эн сёт олокинъёслы: Кылчинэ, Инмаре, остэ!*» (Господи, Великий Кылчин-Инмар мой, ниспошли мне хороший сон! Не оставь меня; от тех, кто ест-пьет по ночам, от болезней-напастей сам остереги, убереги-огради! Не отдавай меня никому до тех пор, пока я не встану поутру, Кылчин, Инмар мой, Господи!) [Munkácsi 1952, 142–143].

На рубеже XX–XXI вв. были записаны и другие молитвы-прошения *куриськон*, которые читают перед сном и после пробуждения. Считается, что при обращении к высшим силам не-

обходимо встать на восток – если повернуться на запад, то молитва приобретет отрицательную коннотацию и испрашиваемое благословение превратится в своего рода проклятие (*юриськем*) [Полевые материалы (далее ПМ) 2020, д. Шабердино Завьяловского р-на УР. ИВМ. Записали (далее зап.) Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина¹]. По сравнению с *куриськон* нач. XX в., современные молитвы более сжаты, в них утрачены свойственные удмуртским сакральным текстам дублетные слова, благодаря которым заклинания обретают выразительность, ритмичность и поэтичность: «*Остэ, Инмаре, Кылчинэ, чesкыт мед изём, жеч вёт мед вёталом. Азинлык, капчильк сётыса сайкат*» (Господи, Инмар, Кылчин, [сделай так,] чтобы я сладко спал, чтобы приснился мне хороший сон. Разбудив меня, дай удачи и легкости [в делах]) [ФА УдГУ. ФЭ–1993. Д. 27. Т. 3. Л. 27. д. Кипчак Куединского р-на Пермского Края]. Кроме того, в современных молитвах-прошениях явно прослеживается влияние христианского вероучения: «*Туннэ нуналэн согрешить каре, Господи, Исусе Христэ, простить кар, жеч уйвёт сёт. Аминь!*» (Сегодня согрешил, Господи, Иисусе Христе, прости, хороший сон дай. Аминь!) [ФА УдГУ. ФЭ–1982. Д. 9. Т. 3. Л. 72-73. д. Сеп Игринского р-на УР]. Однако в связи с ограниченностью материала, делать окончательные выводы о характере трансформаций данной группы молитв-*куриськон* на данный момент не представляется возможным. Более того, надо учитывать и тот факт, что поэтическое оформление сакральных текстов зависит непосредственно от информанта: от знания традиционных канонов и владения формульностью заклинательных текстов.

Сохранилось убеждение, что нельзя ложиться спать вечером и вставать утром не благословясь – обязательно стоит воззвать к Богу: «*Остэ, Инмаре!*» (Господи, Боже!) [ПМ 2009, д. Сеп Игринского р-на УР. КГЛ]. Если перед сном не испросишь благословения, то на теле могут появиться синяки, ассоциирующиеся с приближением скорой смерти, щипком покойника / колдуна / вампира / шайтана [Анисимов 2017, 174]. Удмуртское выражение «*Остэ, Инмаре!*» и его краткая форма «*Остэ!*» – универсальные вербальные формулы-обереги, которые использовали в случае различного рода опасностей во избежание негативных последствий: «*Осэти потыкуд «остэ» ке од шу, висён кутоз* (Если при выходе из дому не скажешь «остэ» – «господи», заболеешь) [Владыкин 1994, 220]; «*Уин инвожозэ адзид ке, «Остэ!» шу: со кулэм ведйнлэн лулыз, адямилэн лулэз басытыны озыы ветлэ*» (Если ночью небесные сполохи увидишь, скажи «Господи!»: это душа умершего колдуна за душами живых приходит) [Munkácsi 1887, 6].

Кроме того, в настоящее время обращаются за помощью и к христианским оберегам и молитвам – сразу по пробуждении следует поцеловать нательный крест и сказать: «Господи, огради меня силою животворящего честного креста твоего от всяческого зла» [ПМ 2020, д. Шабердино Завьяловского р-на УР. ИВМ. Зап. Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина].

Ряд поверий связан с традиционными представлениями, согласно которым сон может неблагоприятно повлиять на жизнь людей, предвещать негативные последствия и изменения, таких как смерть самого спящего или близких ему людей, болезнь, потеря. Бытует мнение, что сны могут сбываться в течение трех лет [ПМ 2020, г. Ижевск. КАВ]. Вещие сны видят с четверга на пятницу, с субботы на воскресенье и со вторника на среду [ФА УдГУ. ФЭ–1999. Т. 12. с. Брызгалово Вавожского р-на УР]. Если вдруг приснится нехороший сон, сразу после пробуждения следует умыться со словами: «*Урод вётэ ву кузя мед кошкоз*» (Дурной сон пусть по воде уйдёт) [ПМ 2020, г. Ижевск. НЛЛ] или плюнуть в отхожее место, чтобы сон не исполнился [ПМ 2017, д. Варклед-Бодья Агрызского р-на Республики Татарстан. АЕЕ]. В д. Баграш-Бигра Малопургинского р-на УР указанные выше действия закрепляют вербальной формулой-отсылкой: «*Алама вётэ сйт-кизь вылэ мед кылэз*» (Дурной сон пусть в отхожем месте останется) [ПМ 2020, г. Ижевск. НЛЛ]. Подобные поверья встречаются и среди русского населения Удмуртии: совершая аналогичные действия, приговаривают: «Куда ночь, туда и сон» [ПМ 2020, с. Завьялово. Зап. Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина]. В традиционных сообществах и плевах, и челове-

¹ В статье приняты следующие принципы оформления ссылок на полевые материалы: год и место записи, инициалы информанта, интервьюеры (если интервьюер не указан, материал записан лично автором). В целях защиты персональных данных полное имя и дата рождения информантов не указываются: данная информация хранится в авторском архиве.

ские экскременты воспринимаются как универсальные средства отгонного характера, что объясняет их широкое использование в лечебной и апотропеической магии.

Запрещается спать в местах, которые в традиционной культуре воспринимаются как пограничные локусы или места обитания представителей инобытия. Так, нельзя спать в заброшенном доме, в бане, на дороге, на берегу реки, на границе земельных участков – меже²: «Если человек заснет на берегу реки, придет *вумурт* и утащит его в воду» [Садиков, Хафиз 2010, 35]; «Кылчин – это Божий Ангел, он спускается на землю, ходит по домам, ходит по межам на полях, сейчас-то этих межей нет, вот его и не видно. Он охраняет посевы, поэтому спать на меже нельзя» [Черных 2002, 62]. Опасно спать в местах молений, даже если они уже не функционируют: в нач. XX в. был записан рассказ о женщине, которая уснула на месте заброшенной священной рощи *луд* – во сне к ней пришел незнакомец и отругал за дерзость [Васильев 1906, 16].

В настоящее время всё еще бытует запрет спать в новом доме до тех пор, пока в нём не поставят печь [ПМ 2010, д. Сеп Игринский р-н УР. ВАА]. Рекомендуют спать за матицей, т.к. полагают, что за неё не могут пройти умершие. Запрещено спать ногами к основному выходу, объясняют это тем, что так лежат только покойники [ПМ 2020, г. Ижевск. НЛЛ]. Не приветствуется спать и головой к двери: могут мучать ночные кошмары [Анисимов 2017, 43].

В прошлом существовали и другие нормативы, которые исчезли в связи с изменением быта, уклада жизни, традиционных представлений: в XIX в. замужняя женщина должна была постоянно носить головной убор *айшон* и ложиться спать в нем, если в доме были гости [Шкляев 2003, 144]. В пер. пол. XX в. женщинам не разрешали снимать традиционное головное полотенце *чалму* и чулки даже перед сном [Лехтинен 2007]. Запрет женщинам обнажать голову и ноги во время сна воспринимался не просто как знак почитания традиций и норм, проявления уважения к старшим, но и как залог счастья семьи и общества: несоблюдение правил, ненормативное поведение считалось опасным, могло навлечь несчастья на семью и даже на всю деревню.

Отдельную группу составляют поверья, направленные на предупреждение нежелательно-го контакта с умершими во время сна. Данная группа поверий тесно связана с похоронно-поминальной обрядностью. Например, по возвращении с кладбища в день похорон следует открыть вьюшку и обратиться с просьбой к покойному не возвращаться, не тревожить живых и не сниться, обещав взамен регулярно поминать его и навещать могилу. С этой же целью в д. Ванялуд Кезского р-на стучали по заслонке железным предметом, чаще кочергой, в день похорон и во время совершения поминального обряда *йыр-пыд сётон* (букв.: жертвование головы и ног [животного]), сущность которого заключается в приготовлении поминальной пищи, совместной трапезе и символическом угощении умерших [ПМ 2020, д. Шабердино Завьяловского р-на УР. ИВН. Зап. Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина].

Появление покойного во сне (*вётатэ*) очень часто интерпретируется как напоминание о необходимости поминания усопшего – справления календарных и индивидуальных поминок: умерших задабривают во время ежегодных весенних и осенних поминок; справляют поминальные обряды *йыр-пыд сётон*, *куяськон* (букв.: бросание / отдаривание), *сьёрлань / берлань куяськон*³ (букв.: за пределы / назад бросание); поминуют сразу после пробуждения или перед сном; в церкви ставят свечку за упокой.

В этом контексте актуализируется ситуация, в которой рассказываются сновидения о покойных – об увиденных снах сообщают близким людям и друзьям, чтобы поделиться своей проблемой (умершие беспокоят во сне) и найти ей решение: «*Милям гуртын (в д. Ванялуд Кез-*

² У удмуртов бытовало много поверий, связанных с межой: считали, что по ней ходит Бог-Творец *Кылчин* и дух – хранитель межи (*межа утись*), который охранял посевы от насекомых и птиц. В период летнего солнцестояния на ней играли его дети, и чтобы не причинить им непреднамеренно вреда, при нахождении на меже необходимо было звуком предупреждать о своем присутствии: например, напевать, покашливать [Первухин 1889, 4–6; Верещагин 2000, 211; Черных 2002, 62–63; Владыкина 2018, 16].

³ Более подробно об указанных обрядах см.: Владыкин 1994; Шутова 2001; Владыкина, Глухова 2011; Владыкин, Чуракова 2012; Анисимов 2017; Панина 2019.

ско́го р-на УР – Т. П.), *вот мамәе доры лыктыло ни вал кышноос – ну куспазы лыктыло ук вал озьы но – вот и верасько: монэ нош ик вѳтатйз ук, шуэ, нош ик. Сэре мама но шуэ мынам: дак давай уйлы тон пукты – буре вайыку пуктыло ук, о-ведь, – ну рюмка, стопка, о-ведь, сюкась кружкаен, сылал, нянь, нянь суқыридэ пукты, шуэ, уйлы и вѳсяськы, что, кур солэсь, медам ни вѳтаты, значит, умойгес улон мед сѳтоз, умой улон, и озьы каро и тйни зэм но, маке но пайда-ез, видимо, луэ вылэм»* (В нашей деревне (в д. Ванялуд Кезского р-на УР – Т. П.) к моей матери приходили женщины – друг к другу ходили же в гости – и вот они разговаривают: мне опять приснился [покойный]. И моя мама отвечала: давай на ночь поставь – во время поминок ставят же, да, – рюмку, стопку [алкоголя], стакан кваса, соль, хлеб положи на ночь и помолись, попроси у него, чтобы больше не снился, чтобы дал хорошую жизнь, и так делали, и, видимо, точно, польза какая-то была) [ПМ 2020, д. Шабердино Завьяловского р-на УР. ИВН. Зап. Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина]; *«Одноклассниксэ калыз бырыз вѳтаса. Пичи дыръяз кышно но басьто шуэ вал. И весь-весь вѳтамисьтыз озьы, туклячи, пе, «Паллян пельпумтйид куяськы ай, кен», пе, шуэ. «Собере дугдй, мама», – шуэ. <...> Конешно, шай улын бере, уллань куяськыз ни»* ([Дочь информантки] устала от того, что ей постоянно снится одноклассник. В детстве говорил даже, мол, в жёны возьмёт. И от того, что постоянно снится, сватья, мол, сказала: «Через левое плечо брось подношение [умершему], сноха». «Потом перестала [видеть его во сне], мама», – говорит. <...> Конечно, раз кладбище в низовье реки, в сторону низовья и совершила *куяськон*) [Анисимов 2017, 172].

Чтобы покойный не снился (*медам вѳтаты*), под подушку или матрас в качестве оберега кладут острый железный предмет: ножницы, нож. Если умерший начинает навещаться к живым (*ветлыны / бертылыны кутскиз*), нож или топор оставляют на пороге дома [ПМ 2020, д. Шабердино Завьяловского р-на УР. ИВН. Зап. Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина] или посыпают маком вокруг дома [ПМ 2020, с. Завьялово. МРК. Зап. Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина]. Если ребенок не может заснуть, под подушку кладут ножницы или крест [ФА УдГУ. ФЭ–2002. Д. 33. Т. 2. Л. 47. д. Кечёво Малопургинского р-на УР].

Сновидение воспринимается как особый способ коммуникации с миром мертвых: во сне живые могут пообщаться с умершими, узнать об их загробной жизни, рассказать о своей, попросить совета; умершие обращаются с просьбой, предупреждают о надвигающейся опасности, высказывают свое недовольство. Плохим знаком считается сон, в которых умершие «звуют» спящего к себе: он может предвещать приближающуюся смерть. Во избежание негативных последствий в удмуртской традиции существует ряд запретов и предписаний, регулирующих коммуникативное поведение живых при встрече с умершими во сне: 1) необходимость соблюдения дистанции при общении с умершими; 2) табу на получение и дарение любых предметов; 3) табу на следование за покойным; 4) табу на преодоление препятствий (например, река, мост, стена), ассоциирующихся в традиционной культуре с границей между этим и тем светом [Анисимов 2017, 75]. Полагают, что нарушение любого из вышеперечисленных прескрипций может обернуться смертельной опасностью в реальной жизни. Пересказывая свои сны, информанты интерпретируют их в соответствии с набором существующих традиционных представлений, запретов и нормативов: *«...одйг гуртын улэмъёсты, Бисарез тани адъылйсько куддыр, компаниямы вал, туж умой адымиос, али ѳвѳл ни, кулэмын (...). И как бы соос монэным вераськын туртто: «Я, давайте, – Бисар шуэ одйг пол. – Вени, мон доры выж ай, давай, юри дорад потй, айда кидэ кутса мыном». Вот со кизз сѳтны кулэ ѳвѳл. «Кошкы али, кош бордысьтым!» Милям йырамы, видимо, со кылемын: улясько мон сое»* (...односельчан, вижу [во сне], Бисара вот вижу [во сне] иногда, он был в нашей компании, очень хорошие люди были, умерли (...). И как бы они со мной начинают говорить: «Ну, давайте, – говорит однажды Бисар. – Веня, ко мне переходи, давай, специально к тебе пришел, давай руку, пошли». Вот руку давать нельзя. «Уходи, давай, уйди от меня!» В голове, видимо, осталось: прогоняю я его» [ПМ 2020, д. Шабердино Завьяловского р-на УР. ИВН. Зап. Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина].

Наряду с запретами и предписаниями, направленными на предупреждение коммуникации между живыми и мертвыми во время сна, существует и группа поверий, которая, напро-

тив, моделирует встречу и общение с покойным во сне. Чаще всего к нижеперечисленным мерам прибегают в том случае, когда человеку очень сложно смириться с утратой близкого ему человека, он испытывает гнетущую, мучительную тоску. Считается, что увидеть умершего можно, если лечь спать на его привычное спальное место или постель, в которой он умер; положить под подушку одежду или головной убор, которые он носил при жизни, или уснуть в его одеянии. Обязательное условие при этом – то, что вещь не должна быть выстирана, чтобы сохранить связь с владельцем [ПМ 2020, с. Завьялово. МРК. Зап. Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина]. В нач. XX в. удмуртские ворожцы *туночи* клали под голову одежду больного, чтобы во сне получить ответ о возможном источнике болезни и предполагаемой жертве, которую необходимо принести для исцеления [Садигов 2008, 130]. В настоящее время наблюдается трансформация традиционных представлений вследствие влияния христианских воззрений. Ссылаясь на слова священнослужителей, информант отмечает, что не следует искать встречи с умершим во сне: «*Ни в коем случае курны уг яра уйвотын, пе. Со, пе, уйвотын курса не ачиз, пе, лыктоз, а дьявол, пе, может лыктыны. Эн, пе, куры. Уд вѳтаськы, значит, немыр но кулэ ѳвѳл*» (Ни в коем случае нельзя просить, чтобы [умерший] приснился во сне, дескать. Если, мол, попросишь присниться, то придёт не он сам, а дьявол, мол, может прийти. Не проси, мол. Не снится, значит, ничего и не надо [ему]) [ПМ 2020, с. Завьялово. МРК. Зап. Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина].

В д. Дубровский Киясовского р-на УР во время поминального обряда *йыр-пыд сѳтон* обращаются к покойному с просьбой присниться во сне в двух случаях: в целях получения обратной связи – удостовериться, что умерший доволен принесенной жертвой, и в назидательных целях – присниться тем, кто не верит в посмертное существование [Анисимов 2017, 77–78].

Предварительный обзор удмуртских предписаний и запретов, связанных со сном и сновидениями, позволяет говорить о наличии разветвленной системы нормативов, основная функция которых – оградить людей от опасности, которая может подстергать их как во время сна, так и после, если сон предвещает о предстоящих негативных изменениях в жизни человека. Они аналогичны апотропейным мерам, применяемым и в других случаях – например, для защиты от сглаза, порчи, болезни или воздействия потусторонних сил. К ним относятся такие стратегии защиты, как воззвание к богу, отсылка по воде, отгон с помощью плевка и экскрементов, укрытие спящего в безопасном пространстве, создание преграды, умиловивление умерших. Ряд запретов и предписаний направлен на предупреждение коммуникации между живыми и мертвыми во время сна, регулирование коммуникативного поведения при встрече с умершими во сне, в то время как другие, напротив, моделируют встречу и общение с покойным во сне. Привлечение опубликованных данных кон. XIX – нач. XX вв. и полевых материалов, отражающих современное состояние традиции, позволило выявить, что некоторые предписания, связанные со сном и сновидениями, к настоящему времени исчезли – информацию об их бытовании можно найти лишь в архивных и опубликованных материалах, в то время как часть прескрипций продолжает активно бытовать, подвергаясь определенным трансформациям, вызванным, в первую очередь, влиянием христианских воззрений.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимов Н. В. «Диалог миров» в матрице коммуникативного поведения удмуртов: *Dissertationes folkloristicae universitatis tartuenssis 26* / Институт исследований культуры факультета гуманитарных наук и искусств Тартуского университета, Тарту, Эстония. Тарту, 2017. 386 с.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 2. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 308 с.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т.4: Фольклор. Кн.1: Удмуртский фольклор: Предания. Легенды. Побывальщины. Сказки. Басни. Пословицы. Поговорки. Загадки. Ижевск, 2001. 220 с.

Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. 383 с.

Владыкин В. Е., Чуракова Р. А. Обряд «йыр-пыд сётон» в поминальном ритуале удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. № 3. С. 27–41.

Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал. Ижевск, 2018. 298 с.

Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год берган: Обряды и праздники удмуртского народного календаря. Ижевск, 2011. 318 с.

Гаврилов Б. Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. 190 с.

Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков: Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань, 1921. Вып. 3. 156 с.

Лехтинен И. Одежда укрывает и показывает: заметки о запретах, связанных с одеждой // Этнография восточно-финских народов: история и современность: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения профессора И. Н. Смирнова. Ижевск, 17–18 октября 2006 г. Ижевск, 2007. С. 97–108.

Панина Т. И. Куяськон (подношение / отдаривание) в практике врачевания удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 3. №3. С. 420–428.

Первухин Н. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Следы языческой древности в образцах устной народной поэзии вотяков. Эскиз IV. Вятка, 1889. 84 с.

Садиков Р. Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа: Центр этнологических исследований УНЦ РАН, 2008. 232 с.

Садиков Р. Р., Хафиз К. Х. Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга). Уфа, 2010. 100 с.

Смирнов И. Н. Вотяки: Историко-этнографический очерк // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. 8. Вып. 2. Казань: Типография Императорского университета, 1890. 356 с.

Черных А. В. Удмурты Куединского р-на: история и культура. Пермь-Кудеда. 2002. 70 с.

Шкляев Г. К. Очерки этнической психологии удмуртов. Ижевск, 2003. 300 с.

Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 301 с.

Munkácsi B. Votják Népköltészeti Hagyományok. Budapest, 1887. 335 с.

Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Helsinki, 1952. 715 с.

Поступила в редакцию 08.09.2020.

Панина Татьяна Игоревна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник

Удмуртский институт истории, языка

и литературы УдмФИЦ УрО РАН

426004, Россия, г. Ижевск, Ломоносова, 4

E-mail: tipanina@mail.ru

T. I. Panina

BELIEFS AND PROHIBITIONS RELATED TO SLEEPING AND DREAMS IN THE UDMURT TRADITIONAL CULTURE

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-642-650

The article analyzes Udmurt traditional beliefs and rules that regulate human behavior before going to bed, during a sleep and after waking up. The regulations are shaped by the perception of a sleep as the liminal state and as a surprising combination of space and time in which boundaries between this world and the other world are blurred. Compliance with the regulations is supposed to guarantee safety: it can protect the sleeper from the lurking danger during and after a sleep, or in case if the dream foreshadows the upcoming negative changes in life. The main apotropaic measures used before going to bed and after waking from sleep are an appeal to God, warding off a bad dream by water or spitting on excreta, hiding / placing the sleeper in a safe space, creating a barrier, and propitiating the dead. Some rules are aimed at preventing or regulating communication between the living and the dead in dreams, while others, on the contrary, simulate meeting and communicating with the deceased in a dream. It has been revealed that some sleep-related traditional beliefs and prohibitions

have disappeared so far – the information about them can only be found in archival and published materials nowadays, while others continue to actively exist, undergoing certain transformations caused primarily by the influence of Christian views.

Keywords: Udmurts, traditional culture, regulations, prohibitions, folk beliefs, sleeping, dream, the dead.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 4, pp. 642–650. In Russian.

REFERENCES

- Anisimov N. V.** *“Dialog mirov” v matritse kommunikativnogo povedeniya udmurtov: Dis. ... d-ra filos. po fol'kloristike* [Dialogue between the worlds through the lens of Udmurt communicative behaviour: PhD diss. in Folklore Studies]. Tartu: Izd-vo Tartusskogo un-ta Publ., 2017. 386 p. In Russian.
- Vereshchagin G. E.** *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected works: in 6 vol.]. Izhevsk, 2000. *Vol. 3: Etnograficheskie ocherki. Kn.2* [Vol. 3: Ethnographic essays. Book 2]. 308 p. In Russian.
- Vereshchagin G. E.** *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected works: in 6 vol.]. Izhevsk, 2001. *Vol. 4: Fol'klor. Kn. 1: Udmurtskii fol'klor* [Vol. 4: Folklore. Book 1: Udmurt folklore]. 220 p. In Russian.
- Vladykin V. E.** *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [Religious and mythological worldview of the Udmurts]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1994. 383 p. In Russian.
- Vladykin V. E., Churakova R. A.** Obryad “iyr-pyd seton” v pominal'nom rituale udmurtov [*Iyr-pyd seton* ceremony in the Udmurt funeral rite]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2012. Vol. 3. pp. 27–41. In Russian.
- Vladykina T. G.** Udmurtskii fol'klorni mirrotekst: obraz, simbol, ritual [The Udmurt folklore “worldtext”: forms, symbols, rituals]. Izhevsk: MonPorazhen Publ., 2018. 298 p. In Russian.
- Vladykina T. G., Glukhova G. A.** *Ar-god bergan: Obryady i prazdniki udmurtskogo narodnogo kalendar'ya* [Ar-god-bergan: Rituals and festivals of the Udmurt calendar]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN Publ., 2011. 318 p. In Udmurt and Russian.
- Gavrilov B. G.** *Proizvedeniya narodnoi slovesnosti, obryady i pover'ya votyakov Kazanskoi i Vyatskoi gubernii* [Folklore texts, rituals and beliefs of the Kazan and Vyatka Votyaks]. Kazan: Tipografiya Kokovinoi A.A. Publ., 1880. 190 p. In Russian.
- Emel'yanov A. I.** *Kurs po etnografii votyakov* [A Course on Ethnography of the Votyaks]. Kazan': Izdanie Kazanskogo Vot'skogo izdatel'skogo podotdela Publ., 1921. Vyp. 3: *Ostatki starinnykh verovaniy i obryadov u votyakov* [Issue 3: Relics of Votyaks' ancient beliefs and rituals]. 156 p. In Russian.
- Lekhtinen I.** Odezhda ukryvaet i pokazyvaet: zametki o zapretakh, svyazannykh s odezhdoi [Clothing covers and shows: notes on prohibitions related to clothes]. *Etnografiya vostochno-finskikh narodov: istoriya i sovremennost': Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 150-letiyu so dnya rozhdeniya professora I.N. Smirnova. Izhevsk, 17–18 oktyabrya 2006 g.* [Ethnography of the Eastern Finnic peoples: history and modernity: Proceedings of the all-Russian scientific conference dedicated to the 150th anniversary of the birth of Professor I. N. Smirnov. Izhevsk, October 17–18, 2006]. Izhevsk, 2007. pp. 97–108. In Russian.
- Panina T. I.** Kuyas'kon (podnoshenie / otdarivanie) v praktike vrachevaniya udmurtov [Sacrificial offering *кuyas'kon* in the Udmurt folk medicine]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2019. Vol. 3. No. 3. pp. 420–428. In Russian.
- Pervukhin N.** *Eskizy predanii i byta inorodtsev Glazovskogo uezda. Sledy yazycheskoi drevnosti v obraztsakh ustnoi narodnoi poezii votyakov* [Sketches of folk legends and life of non-Russians living in the Glazovsky uyezd. Traces of pagan antiquity in the Votyak folk poetry]. Vyatka: Gub. tip. Publ., 1889. Sketch IV. 84 p. In Russian.
- Sadikov R. R.** *Traditsionnye religioznye verovaniya i obryadnost' zakamskikh udmurtov (istoriya i sovremennye tendentsii razvitiya)* [Traditional Religious Beliefs and Rituals of the Zakamsk Udmurts (History and Contemporary Development Trends)]. Ufa: Tsentr etnologicheskikh issledovaniy UNTS RAN Publ., 2008. 232 p. In Russian.
- Sadikov R. R., Khafiz K. Kh.** *Religioznye verovaniya i obryady udmurtov Permskoi i Ufimskoi gubernii v nachale XX veka (ekspeditsionnye materialy Uno Khol'mberga)* [The religious beliefs and the rituals of the Udmurts of the Perm and Ufa governments in early 20th century (Materials from Uno Holmberg's expeditions)]. Ufa, 2010. 100 p. In Russian.

Smirnov I. N. Votyaki: Istoriko-etnograficheskii ocherk [The Votyaks: A Historical and Ethnographic Study]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii* [Proceedings of the Society for Archeology, History and Ethnography]. T. 8. Vyp. 2. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta Publ., 1890. 356 p. In Russian.

Chernykh A. V. *Udmurty Kuedinskogo raiona: istoriya i kul'tura* [The Udmurts of Kuedinskii district: history and culture]. Perm' – Kueda. 2002. 70 p. In Russian.

Shklyayev G. K. *Ocherki etnicheskoi psikhologii udmurtov* [Essays on Udmurt ethnic psychology]. Izhevsk, 2003. 300 p. In Russian.

Shutova N. I. *Dokhristianskie kul'tovye pamyatniki v udmurtskoi religioznoi traditsii: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Pre-Christian Cult Monuments in the Udmurt Religious Tradition: Integrated Research Experience]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN Publ., 2001. 301 p. In Russian.

Munkácsi B. *Votják Népköltészeti Hagymányok*. Budapest: Kiadja a Magyar Tudományos Akadémia, 1887. 335 l. In Hungarian.

Munkácsi B. *Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken*. Helsinki, 1952. 715 p. In German.

Received 08.09.2020

Panina Tatiana Igorevna,

Candidate of Sciences (Philology), Researcher
Udmurt Institute of History, Language and Literature UdmFRC UB RAS
4 Lomonosova St., Izhevsk, Russia 426004
E-mail: tipanina@mail.ru